

Очень непросто для развития правовой мысли на белорусской земле был период нахождения наших земель в составе Российской империи. И тем не менее процесс шел. Предлагаем вашему вниманию вторую беседу по этому поводу с известным белорусским историком, председателем Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания по образованию, культуре и науке, членом-корреспондентом Национальной академии наук, доктором исторических наук, профессором Игорем МАРЗАЛЮКОМ.

Имперское «беззаконие»

— Игорь Александрович, в прошлой беседе вы заключили, что Статут Великого Княжества Литовского можно считать прообразом Конституции, ведь он содержал в себе нормы конституционного права, чего не было еще в законодательстве ни одной европейской страны. И потому во многом опережал свое время. Но далее было пребывание белорусских земель в составе Российской империи, Конституции не имевшей. То есть процесс законодательного совершенствования приостановился?

— Не совсем так. В законодательстве, которое действовало на белорусской земле в период ее пребывания в составе Российской империи, можно условно выделить несколько периодов. Поначалу у нас были одновременно как нормы российского права, так и Статута 1588 года. Лавирование российского правительства в первой трети XIX века между интересами государства и местной полонизированной аристократии проявилось и в сфере законодательства. Именно в это время происходит упорядочивание местных нормативных актов. Переведен и переиздан Статут 1588 года с дополняющими его постановлениями сейма. Наряду с этим в рамках работы над «Сводом законов Российской империи» велась разработка и «Свода местных законов Западных губерний». Собственно говоря, именно он стал последней наиболее значимой систематизацией местного права, объединившей черты местного и общероссийского права. Проект «Свода» не вступил в действие: восстание 1830–1831 годов и его подавление предопределили изменение политики русских властей «в присоединенных провинциях» и отмену местных законодательных норм 1832–1840 годов.

СПРАВКА «СБ»

Польское восстание 1830–1831 годов (в польской историографии — Ноябрьское восстание) — восстание против власти Российской империи на территории Царства Польского, Северо-Западного края и Правобережной Украины. Происходило одновременно с так называемыми холерными бунтами в Центральной России. Началось 29 ноября 1830-го и продолжалось до 21 октября 1831-го под лозунгом восстановления «исторической Речи Посполитой» в границах 1772 года, то есть не только на собственно польских территориях, но и на территориях, населенных белорусами, украинцами, литовцами и евреями.

Суть и смыслы законодотворческого процесса

Фундаментальными принципами зарождения конституционного права на белорусской земле были права на самоопределение и государственность

При этом следует учитывать, что отменены были лишь те нормы, которые до того времени сохраняли свое действие (в основном семейное и гражданское право). Что касается значительной части норм государственного и уголовного права, они фактически вступили в силу с момента включения отдельных частей территории Беларуси в состав Российской империи. Хотя законодательный акт, отменяющий соответствующие положения Статута 1588 года, издан не был.

От Манифеста к «Манихвэсту»

— Как следует из современной российской историографии, политические события мешали созданию и общеперской Конституции. Был и «План государственного преобразования», разработанный в 1809-м графом Михаилом Сперанским, 11 лет спустя разработана «Государственная уставная грамота Российской империи», но принятие всех этих документов всякий раз откладывалось. Во время реформаторского правления Александра II появилась программа преобразований под названием «Конституция Лорис-Меликова» по имени создававшего ее графа. Однако в 1881 году государь был убит народовольцами — и конституционный процесс в России вновь прерван...

— Я бы сказал, что то время характеризует одно обстоятельство, наиболее ярко проявившееся как раз в российском законодательстве XVIII–XIX веков: право издавать новые законы принадлежало только царю. Что касается сената, синода, коллегий (а затем министерств, Кабинета министров) и других государственных органов, то они имели право только обращаться к нему с отчетами или предложениями. Право царя и в области законодательной инициативы было определяющим. Любое «волеизъявление» царя имело или могло иметь силу закона. В ранг закона были возведены все документы, отмеченные одобрением царя («Быть посему», «Принять к сведению» и т.д.). Отсюда огромное количество видов законодательных актов и та, скорее характерная для феодализма, черта, что отличить законодательный акт от административного распоряжения очень сложно, а то и невозможно вовсе. Поэтому законом считается лишь то «волеизъявление» монарха, которое содержит

в «Полном собрании законов Российской империи».

Отдельным периодом можно считать эволюцию законодательной системы империи под влиянием первой русской революции. Манифест от 17 октября, правда, лишь декларировал начало конституционного строя и вовсе не гарантировал его фактическое установление: те же депутаты Госдумы присягали самодержавию. Но осторожно и вдумчиво зародился конституционный процесс. По сути, началась эволюция от абсолютизма к конституционной монархии.

СПРАВКА «СБ»

Октябрьский манифест, провозглашенный 17 (30) октября 1905 года, был документом об усовершенствовании государственного порядка в Российской империи, разработанным по поручению Николая II в связи с непрекращающимися бунтами в стране. В соответствии с ним власть делилась между монархом и Государственной думой, без одобрения которой не мог вступить в силу ни один закон. Но император имел право распускать Думу и блокировать ее решения правом вето. Для людей были провозглашены свободы совести, слова, собраний, союзов и неприкосновенности личности.

— Для Минска эта эволюция к конституционной монархии началась очень кроваво — буквально на следующий день после провозглашения Манифеста случился знаменитый Курловский расстрел на нынешней Привокзальной площади, в ходе которого были убиты около 100 человек, а еще примерно 300 ранены. Хороши свободы...

— Процесс конституционного становления шел тяжело по многим аспектам. Признавая само существование Государ-

«Западный Свод», по мысли графа Сперанского, должен был явиться кодификацией того местного права, которое действовало в областях, присоединенных к Российской империи по трем разделам Речи Посполитой.

ственной думы, закрепляя за ней определенные права, основные законы 1906 года неизбежно признавали и определенное ограничение прав монарха. Такое противоречие было воплощено в законодательстве этого периода. Право Государственной думы издавать законы компенсировалось тем, что за царем сохранялось более полное и существенное по содержанию право законодательной инициативы. В то же время, скажем, созданный в феврале 1905-го Совет министров буквально забросал Думу мелкими законопроектными. Случалось, что административные указы принимались в форме закона. Например, третья Дума приняла законы «О выделении из государственного казначейства дополнительных средств на освещение дома военного министерства», «О порядке отопления и освещения места содержания под стражей и выдачи необходимых материалов для этого». И много иных подобных этому мелочей.

Однако исторические события развивались стремительно. Начиная с марта 1917 года законы издавались уже Временным правительством и подписывались, как правило, министром-председателем. Так, постановление от 1 сентября о провозглашении России республикой подписал Александр Керенский. Но о конституционном строительстве 1917-го, знаменитом «Манихвэсте» — об учреждении Советской Белоруссии в Смоленске и о советских конституциях мы поговорим отдельно, в заключительной части нашей «трилогии». Пока же отмечу главное.

И в постановлении 1-го Всебелорусского съезда, проходившего в 1917 году, и в положениях Второй Уставной грамоты БНР и конституций ССРБ и БССР мы увидим четкую преемственность. Фундаментальными принципами для всех, кто создавал белорусскую правовую базу в XX веке, было закрепление прав на самоопределение и государственность. А также необходимость сохранения территориальной целостности страны и апелляция к ее историческому и культурному богатству и наследию.

Эскиз к картине художника из Бобруйска Исаака Давидовича «Курловский расстрел». 1939 г. Судьба законченного произведения неизвестна.